

Пятнадцать лет назад с. 3 от нас ушел Высоцкий

"Мы с вами находимся у могилы Владимира Высоцкого, известного советского барда", — экскурсовод щебечет заученные слова, граждане покорно внимают, поглядывая на часы. Им, гражданам, хочется узнать, кто этот длинноволосый человек, который старательно выметает из ограды сухие листья, убирает увядшие цветы. Это Коля — Николай, он бывает здесь трижды в неделю — просто так, "на общественных началах". Коле не надо ничего рассказывать про "известного советского барда", он снисходительно слушает экскурсовода, иногда вставляя реплики, — если уж совсем рассказ гида "не в дугу".

Когда экскурсия послушно отбывает осматривать другие могилы — Талькова, Есенина и Квантришвили, Коля в это время садится с кем-нибудь из "настоящих" и под рюмашку читает Высоцкого.

— Коля, кто ты, откуда и почему здесь?

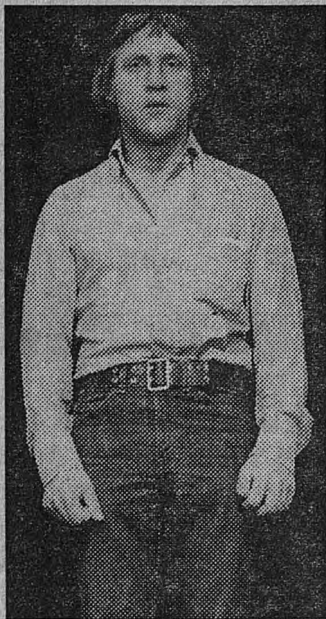
— О, я теперь иностранец. Разве мог Владимир Семенович предположить, что Молдавия будет иностранным государством? Представляю, как бы он хохотал над этим...

— Так мы с тобой оба иностранцы, — включается в разговор Виктор Михалев, военный летчик. — Я ж из Латвии, там ушел в запас, и теперь вот — человек без гражданства.

— А, так это про нас с тобой Володя спел: "Мне вчера дали свободу — что я с ней делать буду..."

На этой строчке латвийско-молдавский пакт был скреплен еще одной рюмкой.

Поразительные судьбы у людей, которые приходят к

Высоцкому не под щebet экскурсовода, а просто так. Виктор, командир МИГА, дважды горел в Афгане. Володя, еще один наш сотрапезник, ходил по морям-океанам на печально знаменитой лодке "Комсомолец". Ушел на дембель за два месяца до трагедии... А Николай, тот самый иностранец-молдаванец, мыл золото в артели Туманова. Так вышло, что про каждого из них Высоцкий написал песню. Вот какая послучилась переключка:

— Я — Як-истребитель, — это Виктор.

— Лечь бы на дно, как подводная лодка, — это Володя.

— Ну, ребята, про меня не забудьте — "там стараются артелю, много золота берут", — за-

вершил "вечернюю поверку" Николай.

Увы, сколько я ни напрягал память — про журналистов из Высоцкого не вспомнил ничего. Разве что вот это: "По профессии я — усилитель. Я страдал, но усиливал ложь". Но товарищи мои — Виктор, Володя и Николай — эту цитату, как профессиональный журналистский вердикт, не утвердили, придя к выводу, что относится она ко всем нам одновременно.

— А знаешь, как они "Место встречи..." начинали снимать? История такая: едут Говорухин с Высоцким на Речной вокзал к Вайнерам. "Слушай, — спрашивает Говорухин, — а ты роман-то читал?" "Нет, — отвечает Володя, — ты, пока мы едем, быстро расскажи". И пока едут до Вайнеров, Говорухин излагает "Эру милосердия".

— Подожди, а ты слышал, что на Петровке работал реальный капитан Жеглов, с которого Вайнеры писали роман? Он сейчас подполковник запаса, частенько сюда заходит...

Историй этих — правдивых, полуправдивых и совсем завыральных — наслушаешься на Ваганьковском влaсть.

Но в том-то и прелесть, что все эти истории существуют в устном народном творчестве. Их не надо записывать. Потому что про всех нас Владимир Семенович все уже сказал. И добавить к этому больше нечего. Кроме разве что этого:

— Ну на посошок?

— Еще не вечер...

С этим паролем уходят от Высоцкого, чтобы вернуться к нему снова.

Валентин КАРКАВЦЕВ.